

УДК 94(47).084.3
DOI: 10.17223/19988613/50/4

С.В. Любичанковский

ПОЛИТИКА АККУЛЬТУРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗРУШЕНИЯ ИМПЕРИИ: КАЗУС ВОЛОСТНОГО ЗЕМСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01008).

Волостная земская реформа 1917 г., в результате которой в России возникло низовое сельское самоуправление, была одной из наиболее трудных реформ, осуществленных Временным правительством. В историографии трудности в проведении этой реформы объяснялись организационными, кадровыми, техническими проблемами и политическим размежеванием в обществе. На наш взгляд, важнейшим препятствием реформы было ее восприятие местным населением в качестве акта насильственной аккультурации. В условиях разрушения империи это мероприятие вызвало существенное сопротивление со стороны носителей традиционалистского сознания. На примере Юго-Восточного региона России выявлены основные признаки этого конфликта при подготовке выборов в волостное земство.

Ключевые слова: аккультурация; империя; волостное земство; революция; Юго-Восток России.

Весь позднеимперский период российская власть занималась разработкой реформы местного управления и самоуправления [1]. Вопрос о создании волостного земства в начале XX в. перестал быть только лишь детищем либеральной общественности. Он стал практически самой обсуждаемой в бюрократических кругах проблемой. Это подтверждается предложением П.А. Столыпина о введении всесословной волости, которое не было реализовано из-за сопротивления объединенного дворянства. Однако власть вернулась к обсуждению этого принципиального вопроса в тяжелые годы Второй Отечественной войны, о чем свидетельствует предложение председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, озаглавленное им «Областное начало внутреннего управления империи». Записка, датированная июлем 1916 г., была предназначена для императора Николая II [2. Ф. 627. Оп. 1. Д. 109]. В ней было намечено создание на территории страны 15–18 областей, во главе которых предполагалось ставить Наместников Его Величества. При этом губернское земство предлагалось упразднить как «излишнее», учредив взамен мелкую земскую единицу [Там же. Л. 3 об.–4]. Документ был прочитан Николаем II, который собственноручно наложил на него следующую резолюцию: «Разработать теперь же законопроект об областном управлении и внести на рассмотрение законодательных собраний ко времени осеннего созыва их» [Там же]. По понятным причинам никаких реальных последствий это запоздалое решение не получило, однако сам факт его принятия на высшем государственном уровне говорит о том, что курс на создание волостного земства рассматривался в чрезвычайных условиях военного времени в качестве магистрального [3]. Реализоваться на практике он получил возможность уже в период развертывания революционных событий 1917 г.

Предпринятая Временным правительством попытка волостной реформы давно привлекает внимание историков. В сфере интересующей нас проблематики исто-

рическая наука прошла сложный путь развития: от проблемно-эпизодического и ограниченного цензурными рамками подхода – к системному анализу и стремлению максимально расширить географию исследований. В исследованиях 1917–1918 гг., написанных адептами реформы, научный анализ зачастую подменялся политической декларацией нужности данного преобразования для развития «истинной демократии», а провал объяснялся тем, что «простой народ был темен» и обманут «демагогами слева» [4–6]. В классической советской науке сформировалось убеждение в том, что волостная реформа была отражением противоборства буржуазно-либеральных и пролетарско-революционных (поддержанных большинством населения страны) общественно-политических сил, проявлявшегося по линии «земство – советы» [7–9].

После падения монополии марксистской парадигмы подходы стали пересматриваться, причем при явном влиянии и сотрудничестве с зарубежными коллегами. Так, существенным вкладом в изучение проблематики стала коллективная монография «Земский феномен: политологический подход», вышедшая в 2001 г. при поддержке Министерства образования, науки и культуры Японии и одного из авторитетнейших зарубежных центров русистики – Центра славянских исследований университета Хоккайдо (г. Саппоро). Книга создана соавторством японских и российских специалистов по истории земства – К. Мацузато, В.Ф. Абрамова и А.А. Ярцева. Фактически в работе содержится программа перспективных историко-политологических исследований земской темы, которую можно рассматривать как эвристически продуктивную реакцию на сложившуюся историографическую ситуацию. Последняя, по мнению авторов, с которым есть все основания согласиться и сегодня, по прошествии десяти лет с момента выхода книги, характеризуется перекосом исследовательского внимания в пользу хозяйственной деятельности земств и в пользу периода до 1914 г. [10. С. 36–37]. К. Мацузато, написавший для этой моногра-

фии главу о земстве в 1914–1917 гг., пришел к выводу, что непродуманная политика Временного правительства (как и царского режима – ранее) способствовала огосударствлению и бюрократизации земств, сохранению и даже увеличению недемократических начал в устройстве земских собраний и управ, отрыву их от народа. Это обстоятельство в совокупности со стремлением рядовых граждан к радикальному разрешению острых социальных вопросов, по его мнению, и объясняет неудачу волостной реформы в 1917 г., а также и уничтожение земств как института на всей территории России [Там же. С. 200].

Таким образом, в настоящее время, в условиях сформировавшегося методологического плюрализма и накопления многообразного фактического материала, проблема политической деятельности земства, в том числе такой ее важнейшей составляющей, как волостная реформа и ее реализация в российских регионах, переместилась с периферии в центр внимания историков. В настоящее время развитие предложенных в науке подходов и корректировка выработанных оценок возможны только с учетом региональной специфики, что совершенно необходимо для адекватного понимания реальной сложности исторического процесса (не)приспособления государственной машины Российской империи к постсамодержавным условиям.

Проблема изучения становления волостного земства в контексте структурирования империи. Проблема революционного реформаторства – многоаспектная, во многом замыкающаяся на специфику регионов. Региональная структура России может видеться по-разному в зависимости от задач научного анализа. В связи с этим важно обоснованно подойти к выделению территориальных рамок исследования. Наиболее распространенное историко-географическое деление страны (на Урал, Поволжье, Северо-Запад и пр.) может быть использовано далеко не всегда, поскольку абстрагируется от многих существенных параметров. Так, например, говорить о земствах Уральского региона означает объединять в единых рамках как классические Вятское и Пермское земство, созданные уже в 60-х гг. XIX в. (1867–1870 гг.), Уфимское земство, учрежденное в ходе следующей крупной «волны» территориального расширения земской реформы (1875 г.), так и Оренбургское земство, которое в силу социокультурных особенностей территории стало действовать только в 1913 г. Более обоснованным является выделение земских регионов в соответствии с сущностной структурой империи как сложного и неоднородного в культурном плане пространства. Империя, по мнению современных специалистов, включала в себя так называемое «ядро», окраины и промежуточную территорию – «внутреннюю периферию» [11. С. 484]. Миссия империи заключалась в перераспределении регионов внутри этой системы, в подтягивании окраин до статуса внутренней периферии, а последней – до внутренних стандартов империи. В широком плане именно этот про-

цесс и можно охарактеризовать как имперскую политику аккультурации. Именно в соответствии с этой логикой и судебная, и городская, и земская реформы распространялись на территории государства не повсеместно, а «волнами», в зависимости от готовности губерний соответствовать предлагаемым стандартам. Последней группой губерний, получивших земское самоуправление только в 1913 г., явились Астраханская, Оренбургская и Ставропольская. Эта совокупность территорий в управленческом плане может рассматриваться как единый регион, именуемый условно «Юго-Восток России».

Цель настоящего исследования – рассмотреть вопрос о том, как именно проходил процесс подготовки создания низовой самоуправленческой единицы в трех губерниях, которые являлись самыми «молодыми» земскими территориями империи.

Рассматриваемый регион отличался комплексом специфических черт: особым географическим положением (квазиокраинностью, непосредственным соседством с окраинами империи – Кавказом, казахскими землями и Средней Азией); обширной площадью (Астраханская губерния, в «гражданских» и «иномордческих» границах простиралась на 184 536 кв. верст, Оренбургская – 101 584 кв. верст, Ставропольская – 47 716 кв. верст, т.е. занимали одно из первых мест среди «земских» губерний России по этому показателю), число волостей при этом было следующим: в Астраханской – 78, Оренбургской – 96, Ставропольской – 146; невысокой плотностью населения (в Астраханской губернии на 1 кв. версту приходилось 6,6 чел. сельских и 1,2 человек городских жителей, в Оренбургской – 14,8 и 3,34 человек соответственно, в Ставропольской – 27,4 и 2,5 человек); интенсивным ростом общей численности населения (за счёт переселенцев, беженцев и др.); малой численностью дворян и помещиков (в начале XX в. в целом по России на каждую тысячу подданных приходилось 15 дворян, а в Астраханской губернии этот показатель равнялся 0,6, в Оренбургской – 0,8, в Ставропольской – 0,9); многонациональным составом населения и сложной конфессиональной структурой (в Астраханской губернии казахи, калмыки и прочие нерусские народы составляли 46% населения, в Оренбургской губернии башкиры, татары, казахи – более 27%, в Ставропольской губернии калмыки, ногайцы, туркмены составляли около 8% населения); наличием значительного числа казаков (Астраханское казачье войско включало около 31 тыс. чел., Оренбургское – 575 тыс. чел.), которые обладали автономией и были в определенной степени обособлены от жителей гражданской части соответствующих губерний.

Как уже отмечалось, во всех указанных губерниях земские учреждения были введены синхронно – в 1913 г., следовательно, регион изначально получил однотипную нормативно-правовую базу, организационную структуру и избирательную систему, накопил к 1917 г. схожий опыт культурно-хозяйственной и общественно-политической работы. Все это делает коррект-

ным рассмотрение вопроса именно в данных территориальных рамках.

Подготовка выборов в волостное земство на Юго-Востоке России: преодоление объективных препятствий. В 1917 г. земские учреждения России, в том числе Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерний, встали на сторону Временного правительства и приняли активное участие в реализации его политического курса. Дальнейшее сохранение действия «Положения» 12 июня 1890 г. неизбежно вело к ослаблению позиций новой власти. Поэтому при активном участии «Особого совещания» под руководством Б.Б. Веселовского и Н.Н. Авинова в мае–июле 1917 г. был издан пакет законодательных актов, касавшихся создания волостного земства: «Положение о волостных земских учреждениях» (от 21 мая 1917 г.); «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных» (от 11 июня); «Инструкция о порядке выборов волостных гласных на основе пропорциональной системы» (от 26 июля) [12]. В соответствии с требованиями этих законов их непосредственная реализация была поручена губернским и уездным земским управам [13. С. 1–3].

В предшествующей историографии сам процесс подготовки и организации выборов зачастую оставался за рамками исследовательского внимания, упор делался на изучение агитации, контрагитации и результатов выборов. Однако современная наука пришла к пониманию важности изучения рутинных технологий власти, которые сами по себе могут определять эффективность проводимой политики. И действительно, анализ документов показал, что при подготовке волостных выборов региональное земство столкнулось с целым рядом объективных препятствий.

Во-первых, в условиях экономического кризиса земства не смогли найти достаточного объема финансовых ресурсов и были вынуждены выделить на волостную земскую избирательную кампанию лишь предельный минимум денежных ассигнований – всего лишь от трех до двадцати тысяч рублей на уезд [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 43–45; 2. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 42. Л. 4–9]. И это при том, что регион отличался от коренных губерний России большими площадями административных единиц. Что же касается правительственной помощи в этом вопросе, то она ограничилась правительственным кредитом в размере 500 руб. на волость, которые планировалось погасить за счёт волостных земских сборов с физических и юридических лиц [2. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 310–325].

Во-вторых, немало трудностей пришлось испытать земствам при определении и утверждении границ волостей [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 47–55; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 17–21; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 49–58]. Требовалось объединить ряд небольших городских и сельских населенных пунктов в единые избирательные округа, в других случаях – разбить крупные посёлки на два-три отдельных округа [2. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 310–325]. Например, в Астраханском уезде

общее число волостей увеличилось с 16 до 21 [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 29–31]. Схожим образом были размежёваны и структурированы все прочие уезды Юго-Востока России [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 49–56; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 22–27; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 51–55]. При этом, стремясь максимально укрепить свои позиции, земства отклонили все просьбы граждан о создании поселкового самоуправления и нераспространении волостной земской реформы на соответствующие населённые пункты. Данные действия вызвали возмущение и протест жителей многих сёл.

В-третьих, специальное внимание земства уделили определению количества гласных, подлежащих избранию по каждой отдельной волости и округу. Оно было установлено в размере от 20 до 50 человек, в зависимости от общей численности населения, проживающего в волости [17. С. 1–2]. В среднем, волости с 5 000 жителями получили возможность избрать 35 гласных. Однако, исходя из местных специфических условий (которые всегда можно было обобщить оценкой «чрезмерно антиземские настроения волости»), избирательные органы установили некоторые вариации. Например, в Никольской (650 жителей) и Андреевской (775 чел.) волостях Святокрестовского уезда было закреплёно минимально возможное число гласных – по 20. В Величаевской волости Святокрестовского уезда с 5 358 жителями земское собрание поручалось скомплектовать из 22 гласных, а в Воронцово-Александровской, имевшей 23-тысячное население, – 50 гласных [16. Ф. 314. Оп. 1. Д. 56. Л. 37–39].

В-четвертых, земства наметили сроки проведения выборов волостных земских гласных. В общем и целом они оказались согласованы со временем избирательной кампании в Учредительное собрание – вторая половина августа 1917 г. [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 41; 16. Ф. 314. Оп. 1. Д. 143. Л. 12–18; 18. 19 авг. С. 3]. Однако исключение составили широко представленные в регионе территории «кочевых инородцев», где, исходя из ряда специфических трудностей (социокультурные особенности местности), выборы гласных в соответствующие органы оказались отложены до октября 1917 г. [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 40, 52].

В-пятых, подготовка волостных выборов потребовала от земств создания разветвлённой сети избирательных комиссий. Их предусматривалось формировать из председателя, назначавшегося уездной земской управой, а также из 4–8 членов (в зависимости от числа избирателей в округе) [2. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 159–165, 310–325]. Половина из них предлагалась и утверждалась руководителями земский управы, а другая – избиралась населением. Население региона в своей массе крайне равнодушно или даже негативно отнеслось к выборам членов волостных комиссий, в ряде случаев – фактически отказалось от участия в этом процессе. Например, 28 июля 1917 г. жители села Надежда Ставропольского уезда открыто заявили представителям власти, что до конца войны не позво-

ляют проводить в волости выборы волостных земских гласных, и на этом основании устранились от определения членов волостной избирательной комиссии [16. Ф. 314. Оп. 1. Д. 133. Л. 37–40]. Аналогичные действия граждан были документально зафиксированы не менее чем в сорока крупных сёлах всех трех рассматриваемых губерний. В результате не менее 20% сельских и волостных избирательных комиссий региона фактически оказались скомплектованы лишь уполномоченными от земских управ и собраний, т.е. в нерепрезентативном виде. Это, в конечном итоге, самым негативным образом отразилось на их практической деятельности.

В-шестых, региональное земство встало перед необходимостью подготовить к выборам большой штат квалифицированных специалистов, чья нехватка на территориях «самого молодого земства» России ощущалась особенно остро: инструкторов, консультантов, организаторов, агитаторов, счётчиков (статистиков) и т.п. [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 32–43; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 62–79; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 101–112]. В итоге пришлось задействовать работников просветительских организаций, кооператоров и т.п. Часть из них была командирована в Москву и Петроград на специальные курсы, организованные столичными земствами и университетом Шаняевского [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 64. Л. 1–24, 65–81]. Вернувшись, они получили статус «уполномоченных-инструкторов» и были командированы земскими управами в волости и сёла для руководства действиями соответствующих комиссий [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 34].

В-седьмых, земствам региона необходимо было определиться с тем, какая избирательная система будет применена к планируемым волостным выборам. Дело в том, что если первоначально земствам было поручено организовать выборы исключительно на основе мажоритарной системы, то 26 июля 1917 г. Временное правительство разрешило земствам факультативно применять и пропорциональную систему, при которой избиратель отдавал свой голос за один из списков, выдвинутых общественными и политическими организациями и утвержденными МВД [2. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 166А. Л. 159–165, 310–325]. Большинство земских избирательных комиссий не решились использовать пропорциональную систему и положили в основу выборов волостных гласных мажоритарную (персонально-именную) модель голосования [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 42–64; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 84–96; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–121]. Однако по-иному поступили в ряде волостей Оренбургского, Ставропольского, Медвеженского и некоторых других уездов [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 16–21, 80–83]. Единообразия в этом вопросе достичь не удалось.

В-восьмых, особые сложности в ходе реализации волостной реформы земства встретили при составлении списков избирателей волостных земских гласных. Здесь пришлось столкнуться с прямым сопротивлением со стороны населения. Так, в июле 1917 г., стремясь сохранить общинный уклад и боясь увеличения налогов, крестьяне села Михайловское Ставропольской губернии

составили и утвердили приговор: «Волостное земство пока не организовывать и списков избирательных не составлять» [16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97–99]. В конце июля 1917 г. жители с. Надеждинское Ставропольского уезда запретили писарю составлять списки избирателей. Своё решение они аргументировали необходимостью дожидаться окончания войны и стабилизации обстановки. В целом в Юго-Восточных губерниях то или иное противодействие составлению названных списков выразили жители более половины волостей [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 59–82; 2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80, 85–97].

Характерную зарисовку поведения населения в отношении соответствующей процедуры составил один из членов волостной избирательной комиссии Оренбургского края и по совместительству корреспондент журнала «Оренбургское земское дело»: «Заходим в одну избу, хозяин недовольно ворчит: “Уже переписывали, переписывали и нам надоело, а всё пишут”. Другие говорят: “Это для чего?” “Пусть уже без нас выбирают”... Крестьяне смотрят на выборы волостного земства как на ненужную тяжесть» [18. 18 (31) июня. С. 6].

В итоге региональному земству не удалось уложиться в намеченный график и оперативно опубликовать списки избирателей волостных гласных: окончательные списки появились в местной печати не в июне, а лишь в конце июля – в Астраханской губернии, в августе – в Оренбургской и Ставропольской губерниях [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 32–35; 18. 29 июня (11 авг.). С. 1–3; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 96–120]. Из числа неинородческих территорий рекордсменом региона в плане соответствующей задержки стал Александровский уезд, где работа над составлением указанных списков продолжалась до середины сентября 1917 г. [16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 98–99]. Но наиболее сложная ситуация сложилась на территории проживания «кочевых инородцев» (в Туркменском и Ачикулакском приставствах). Здесь под воздействием противодействия со стороны родовой знати обозначенные мероприятия завершили только в октябре 1917 г. [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 145, 161].

В итоге все названные сложности заставили правительство сдвинуть сроки выборов волостных земских гласных. В Астраханском, Черноморском, Орском, Челябинском, Ставропольском, Медвеженском уездах они были назначены на конец августа 1917 г., в Оренбургском, Верхнеуральско-Троицком, Святокрестовском, Благодаринском – на первую половину сентября, в Александровском уезде – они вначале были отложены до 24 сентября 1917 г., а затем оказались перенесены на 1 октября 1917 г. [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 39, 81, 152; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 73–112; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–122]. На территории проживания так называемых кочевых инородцев выборы наметили провести лишь в ноябре 1917 г. [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 146, 162; 16. Ф. 67. Оп. 1. Д. 352. Л. 11–14].

Таким образом, на Юго-Востоке России процесс подготовки выборов в волостное земство показал, что

для региона были характерны две фундаментальные проблемы, снижавшие технологическую эффективность управления процессом. Одна из них была характерна для всей страны и заключалась в недостатке финансирования и отсутствии должной централизации. Вторая была, по-видимому, характерной для регионов с выраженной социокультурной спецификой (национальных периферий) и заключалась в отсутствии рычагов воздействия на родовую аристократию, в стремлении привнести на территорию ее проживания новые внутрироссийские стандарты управления. Одна проблема накладывалась на другую, усугубляла ее, что делало волостные выборы на Юго-Востоке России мероприятием более проблемным, чем где бы то ни было.

Предвыборная агитация «за» и «против» волостных выборов в регионе: позиция советов, волостных начальников и «туземной аристократии». В связи с вышеизложенным становится понятным то особое внимание, которое земства уделили разъяснению населению важности участия в выборах. Сразу отметим, что у широких слоев населения Юго-Востока России сформировалось явно выраженное негативное отношение к запланированным выборам. Данный факт был публично засвидетельствован практически всеми политическими силами и не представляет никакой сенсации. Так, 29 июля 1917 г., характеризуя настроение граждан, газета «Астраханский листок» опубликовала путевые записки одного из местных земских деятелей, посетившего волости с агитационными целями. «На местах, — отмечал он, — сложилось недоверие к земству благодаря неправильно взятому курсу земской деятельности, со всеми её дефектами, поселившими крайнее отвращение даже к самому слову «земство». Крестьяне говорят, называйте наше будущее управление как угодно, однако не земство: омерзело нам это слово» [19. С. 2–3]. Оренбургский губернский комиссар в докладе министру внутренних дел, оценивая подготовку выборов волостных гласных, отмечал, что «земская идея не привилась в губернии и у большинства населения вызывает отрицательное отношение» [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80–83]. Характеризуя настроение граждан, корреспондент газеты «Известия Оренбургского губернского комитета Общественной безопасности» в июле 1917 г. писал: «На земского человека здесь смотрят как на притеснителя, обманщика, получающего только жалование... Ему не доверяют и, даже, боятся» [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 83]. Наиболее сложная ситуация в этом отношении сложилась в Ставропольской губернии, где мощное антиземское движение зародилось еще в дореволюционный период. В августе 1917 г., информируя МВД о положении в крае, Ставропольский губернский комиссар Д.Д. Старлычанов сообщал: «Объезжаю сёла лично, крестьяне заявляют, что всё дадут, что готовы терпеть всякие жертвы, только не надо говорить про земство. Слово “земство” вызывает негодование и озлобление» [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 17].

Почему перед выборами в регионе сложилась такая ситуация? Нам представляется, что ключевую роль

здесь сыграла не политическая дифференциация общества, а, говоря обобщенно, дифференциация ментальная. Это очень ярко проявилось в процессе предвыборной агитации и контрагитации.

Стремление добиться на волостных выборах определенного политического результата фактически отошло на второй план по сравнению со стремлением добиться того, чтобы выборы состоялись как таковые. Земские управы региона привлекали для решения этой задачи не только своих служащих (учителей, врачей, агрономов), но и разнообразные политические и общественные организации: исполкомы, комитеты безопасности, кооперативы, просветительские учреждения, партийные комитеты кадетов и эсеров [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 21–34; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 75–114; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 87–111]. Важно, что оказались задействованы и советы. Особенно широко сотрудничество земств и советов развернулось в Оренбургской и Ставропольской губерниях. Так, в июле 1917 г. Ставропольское губернское земство распорядилось выделить 25 тыс. руб. Советам на расходы «по принятию мер к разъяснению земской идеи». Оренбургский исполком советов крестьянских депутатов направил на места многих своих представителей для подготовки выборов волостных земских гласных [20. С. 4].

Таким образом, присущее советской историографии стремление рассматривать советы и земства как классово антагонистические органы самоуправления не подтверждается документами, характеризующими ситуацию в рассматриваемом регионе. С чем это могло быть связано? Нам видится основная причина в том, что местные советы позиционировали себя как органы самоуправления, тогда как волостное земство рассматривали как создающийся низовой демократический орган государственного управления, включенный в вертикаль власти региона. Такая оценка, под которой были серьезные основания (не случайно вывод о бюрократизации земства был сделан в современной науке), позволяла не рассматривать волостные выборы как антисоветское мероприятие, делала советы заинтересованными в формировании сети местных учреждений, с которыми потом можно было начать сотрудничество.

Однако даже поддержка советов не могла помочь внятно донести земскую позицию о необходимости участвовать в выборах местному населению в условиях, когда крестьяне были полностью заняты сельскохозяйственными работами и просто физически не могли регулярно посещать предвыборные митинги и прочие агитационные акции [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 29–52; 23. С. 4–7]. Стремление провести выборы как можно быстрее сыграло в этом смысле злую шутку с земствами по всей стране, в том числе и на аграрном Юго-Востоке. В итоге земствам не удалось охватить предвыборной агитацией подавляющую часть населения. Граждане, в своей основной массе, оказались не ознакомлены с сутью волостного земского самоуправления, с тонкостями процедуры выборов гласных, особенно

стями пропорциональной и мажоритарной систем голосования, с кандидатами на соответствующие посты [14. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 148–157; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 10–14; 16. Ф. 314. Оп. 1. Д. 133. Л. 39–65].

Единственным выходом из создавшейся ситуации было бы использование в качестве агитационного механизма традиционных органов крестьянского управления – волостных и сельских сходов. Однако именно они оказались в руках противников выборов в волостное земство. Их руководящие лица, как правило, вели антиземскую агитацию, тем более действенную, что она осуществлялась не время от времени, «наездами», а каждодневно, в процессе рутинного управления селом. В первую очередь, в этом направлении работали сельские и волостные старшины, то есть лица, наделенные властью. Резонно предположить, что их основным мотивом было нежелание ее потерять.

Они в массовом порядке уклонялись от участия в составлении избирательных списков и прочих подобных предвыборных мероприятий [14. Ф. 285. Оп. 3. Д. 5. Л. 29–44; 15. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 78–92; 16. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 91–111], т.е. саботировали процесс подготовки выборов. И, конечно, вели контрагитацию. Причем документы показывают, что их агитация велась не столько против этих конкретных выборов, а против земской идеи в целом. Характерными чертами такой агитации на Юго-Востоке России стали следующие:

- использование абсолютно неправдоподобных с точки зрения любого образованного человека (т.е. заведомо ложных) слухов. Например, в июле–августе 1917 г. в Третьей и Пятой Бурзянских, Ново-Киевской волостях Орского уезда местных башкир уверяли, что «если примете земство, то оно закроет вам всякие базары, возьмёт в свои руки продовольственные дела и покупать вам будет нечего, примете земство – оно всю вашу землю разделит между русскими» и т.п. [18. 29 сент. С. 4];

- опора на представителей казачества как категории, которая успешно вела сельское хозяйство без земского управления. Например, в Карачай-Кипчакской волости именно казаки приезжали в села и указывали: «не заводите земства, а то оно вам хлеба не будет давать, а мы вас прокормим. Если земство примете, то земля ваша уйдёт. Вот у нас, казаков, нет земства, как хорошо мы живём и всегда готовы к вам на помощь прийти» [Там же];

- опора в национальных районах (например, в Киргизской степи, Калмыккой Орде, Туркменском и Ачикулакском приставствах, Большедербетовском улусе) на местную родовую знать как на основных агитаторов против земства как органа, вторгающегося в традиционную сферу племенного управления и потому незаконного [2. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 81. Л. 145, 161; 16. Ф. 67. Оп. 1. Д. 352. Л. 19–52];

- приравнивание волостного земства к возвращению «старого режима». Например, в селе Станковском Челя-

бинского уезда старшина Я. Колесников говорил о схожести «земских начальников и земских стражников (и всех старых порядков) с новым земством» [18. 4 (17) авг. С. 8].

Подводя итоги изложенному, важно сказать, что в науке сформировался стереотип, в соответствии с которым основным противником волостной реформы являлись радикальные левые политические силы (большевики, левые эсеры), которые через партийные структуры и подконтрольные советы «дали бой» и сорвали выборы. Такие факты действительно наблюдались в изучаемом регионе. Однако наше исследование показывает, что это был, если можно так выразиться, «вспомогательный фронт», а основная граница противостояния на Юго-Востоке России пролегла все-таки по линии «новая власть (земство) – традиционная власть (руководители крестьянских сходов, туземная аристократия)». На наш взгляд, есть основания перенести поиск причин углубившегося в 1917 г. системного кризиса из политической и экономической плоскости в ментальную, в смысле отторжения традиционалистским сознанием большинства населения региона предлагаемых ему (а точнее говоря, навязываемых и продавливаемых сверху) инноваций, воспринимаемых как элемент политики насильственной аккультурации. Именно в рамках этой модели становится объяснимой и позиция волостных старшин, которые, судя по имперскому опыту, должны были бы желать ладить с Властью, но при условии, что это власть понятного им образца; и проземская позиция большинства местных советов – ведь они, как и земства, выступали в роли новшества, противостоящего традиционным формам жизни. Являлась ли эта фундаментальная проблема специфической только лишь для рассматриваемого региона либо она была характерной для страны в целом?

Думается, признаки описанной выше ситуации можно увидеть по всей земской России, однако на разных территориях она имела разную степень остроты, и наибольшую – именно в таких регионах, как Юго-Восток России. Дело в том, что весь предшествующий опыт существования этого яркого представителя «внутренней периферии» в составе Российского государства предполагал уважение Центра к традиционным механизмам власти и их носителям, а непосредственное соседство крестьян региона с особыми социокультурными группами (казаками, «иногородцами») не могло не возбудить в них желания пользоваться теми же льготами и привилегиями (признание законности старинных форм управления общиной рассматривалось ими именно как льгота и привилегия). Соответственно, и их реакция на внедряемый механизм земского волостного управления была более резкой, чем у жителей тех регионов, которые в таких условиях не находились и к которым земство пришло уже несколько десятилетий назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любичанковский С.В. Ремонтируемая вертикаль: губернская реформа в планах правительства Николая II. Оренбург, 2009. 404 с.
2. Государственный архив Российской Федерации.

3. Любичанковский С.В. Кризис губернского управления регионами в позднимперской России // Федерализм. Теория. Практика. История. 2007. № 1. С. 127–140.
4. Загряцков М.Д. Земство и демократия: зачем земство нужно народу? М., 1917. 47 с.
5. Веселовский Б.Б. Земство и демократическая реформа. Пг., 1918. 19 с.
6. Руднев В. Земское и городское самоуправление в 1917 г. // Год русской революции (1917–1918). М., 1918. С. 24–47.
7. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. Л., 1967. 363 с.
8. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.
9. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. 262 с.
10. Мацузато К., Абрамов В.Ф., Ярцев А.А. Земский феномен: политологический подход. Саппоро : Slavic Research Center, 2001. 219 с.
11. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург ; Ижевск, 2010. 496 с.
12. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. 214 с.
13. Вестник Временного правительства 1917. 28 мая.
14. Государственный архив Астраханской области.
15. Государственный архив Оренбургской области.
16. Государственный архив Ставропольского края.
17. Вестник Временного правительства. 1917. 13 (26) июня.
18. Оренбургское земское дело. 1917. 19 авг.
19. Астраханский листок. 1917. 29 июля.
20. Известия Оренбургского губернского комитета общественной безопасности 1917. 28 июня (10 июля).

Lyubichankovskiy Sergey V. Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia). E-mail: svlubich@yandex.ru

POLICY OF ACCULTURATION IN THE CONDITIONS OF DESTRUCTION OF THE EMPIRE: INCIDENT OF A VOLOST' ZEMSTVO.

Keywords: acculturation; Empire; volost' zemstvo; revolution; Southeast of Russia.

The aim of this article is to analyze the process of preparation of the elections to a volost zemstvo in the Southeast of Russia in 1917 in the context of a policy of violent acculturation. The solution of the following tasks is provided: the identification and the analysis of obstacles in the preparation of these elections of technical and organizational character; research of a position of regional councils, volost chiefs and “the native aristocracy”. The methodology of the research is based, on the one hand, on achievements of the scientific direction of “a modern imperial history”; on the other hand, it is within the regional approach emphasizing a variety of local conditions. The problem field of a research is within a definition of characteristic features and features of realization of state policy on the development of peripheral territories. The research is directed to the solution of a large scientific problem of definition of nature of the evolution of policy of acculturation for peripheral territories of Russia at a stage of turning off the Empire. Mainly archival sources from the State Archives of the Russian Federation and regional archives of Orenburg, Astrakhan, Stavropol, and also the regional press of the studied period have formed a research sources base. During the conducted research the author came to the following conclusions: by preparation of the elections to a volost zemstvo the main border of opposition in the Southeast of Russia laid not on the politic party line, but on the “new Authorities (zemstvo) - the traditional Authorities (heads of country descents, the native aristocracy)” line. The local population perceived attempt of the Authorities on an introduction of a volost zemstvo as the act of violent acculturation. The traditionalist mentality of the populace rejected the proposed innovations (or, rather, innovations impressed upon and forced from above). Signs of the situation described above can be seen across all zemstvo's Russia, however in different territories it had different degree of sharpness, and the greatest – in such regions as the Southeast of Russia, in connection with an immediate vicinity of peasants of the region with special sociocultural groups (Cossacks, “foreigners”).

REFERENCES

1. Lyubichankovskiy, S.V. (2009) *Remontiruemaya vertikal': gubernskaya reforma v planakh pravitel'stva Nikolaya II* [Repaired vertical: provincial reform in the plans of the government of Nicholas II]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University.
2. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*.
3. Lyubichankovskiy, S.V. (2007) *Krizis gubernskogo upravleniya regionami v pozdneimperskoy Rossii* [The crisis of provincial administration of regions in the late Russian Empire]. *Federalizm. Teoriya. Praktika. Istoriya*. 1. pp. 127–140.
4. Zagryatskov, M.D. (1917) *Zemstvo i demokratiya: zachem zemstvo nuzhno narodu?* [Zemstvo and democracy: why does the zemstvo need people?]. Moscow: Biblioteknyy fond.
5. Veselovskiy, B.B. (1918) *Zemstvo i demokraticeskaya reforma* [Zemstvo and democratic reform]. Petrograd: [s.n.].
6. Rudnev, V. (1918) *Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v 1917 g.* [Zemstvo and city self-government in 1917]. In: Bakh, A.N. et al. *God russkoy revolyutsii (1917–1918)* [The Year of the Russian Revolution (1917–1918)]. Moscow: Semlya i Volya. pp. 24–47.
7. Dyakin, V.S. (1967) *Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914–1917 gg.* [The Russian bourgeoisie and tsarism in the years of World War I. 1914–1917]. Leningrad: Nauka.
8. Eroshkin, N.P. (1983) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Gerasimenko, G.A. (1990) *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemstvo self-government in Russia]. Moscow: Nauka.
10. Matsuzato, K., Abramov, V.F. & Yartsev, A.A. (2001) *Zemskiy fenomen: politologicheskii podkhod* [Zemstvo: The political approach]. Sapporo: Slavic Research Center.
11. Zagrebin, A.E. & Lyubichankovsky, S.V. (eds) (2010) *Mestnoe upravlenie v poreformennoy Rossii: mekhanizmy vlasti i ikh effektivnost'* [Local governance in post-reform Russia: mechanisms of power and their effectiveness]. Ekaterinburg; Izhevsk: SB RAS.
12. Provisional Government. (1917) *Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva* [Collection of decrees and resolutions of the Provisional Government]. Petrograd: [s.n.].
13. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917a) 28th May.
14. *The State Archives of Astrakhan Region*.
15. *The State Archives of Orenburg Region*.
16. *The State Archives of the Stavropol Territory*.
17. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917b). 13th June.
18. *Orenburgskoe zemskoe delo*. (1917a) 19th August.
19. *Astrakhanskiy listok*. (1917) 29th July.
20. *Izvestiya Orenburgskogo gubernskogo komiteta obshchestvennoy bezopasnosti*. (1917) 28th June.